

2. Вдовина А. С. Особенности реализации гендерного компонента в художественном переводе (на материале переводов сказок О. Уайлда) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). С. 145-148.
3. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале рус. лит. 1920-1980-х гг.). Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1992. 183 с.

ПЕРЕДАЧА ТЕКСТОВОЙ ЭМОТИВНОСТИ ЧЕРЕЗ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Ю. П. Файкун

Научный руководитель О. И. Уланович, кандидат психологических наук, доцент

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

В последние десятилетия в лингвистике эмоций акцент с изучения эмотивности единиц перемещается на исследование **эмотивности текста**. Способность текстов воздействовать, волновать, пугать, доставлять удовольствие, заставлять переживать и т.д. может быть изучена не иначе как через исследование вопроса эмотивности текста. Текстовая эмотивность, как двусторонняя сущность, в качестве плана содержания имеет собственно транслируемые и / или провоцируемые у читателя аффекты / эмоции, в качестве плана выражения – соответствующие языковые и текстовые единицы: эмотивы и эмотемы.

Вербально эмоции могут быть выражены на *фонетическом* уровне с помощью звукового варьирования, звукописи, аллитерации; на *лексико-семантическом* – с помощью тропов, переносного значения; на *фразеологическом* – с помощью пословиц, поговорок, фразеологических единиц. Эмоциональность может быть выражена и на *грамматическом* уровне, в частности, посредством эмотивных морфем, синтаксических средств выразительности (восклицания, риторические вопросы) и пр.

В контексте нашего исследования исключительно важным видится акцентирование *метафорического способа* представления эмоций в языке, который в современных лингвистических работах получил особую популярность. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, языковые средства выражения эмоций **в высшей степени метафоричны**, поскольку эмоции сложно поддаются прямому выражению [2, с. 388].

Единицами текстовой эмотивности выступают эмотемы и эмотивы.

Термин «**эмотема**», впервые введенный в научный оборот В. И. Болотовым, был самым автором определен как «отрезок текста, смысл которого или форма выражения содержания являются источни-

ком эмоционального воздействия» [1, с. 5]. Итак, **эмотемы** – это фрагменты текста (величина которых может сильно разниться), призванные транслировать и / или провоцировать у читателя эмоциональный отклик. **Эмотивы** можно определить как единицы лексического уровня, предназначенные для выражения эмоций и чувств адресантом, называющие и транслирующие эмоции и / или призванные спровоцировать эмоциональную реакцию.

В нашей работе мы предприняли попытку выявить специфику метафорических образов при вербализации эмоций в эмотивно насыщенном художественном произведении: в готическом романе, выбор которого в качестве материала экспериментального исследования объясняется такими его характеристиками как мрачная таинственность, фатальный трагизм, леденящая мистика, гнетущая инфернальность.

Экспериментальный корпус нашего исследования составили все **эмотемы**, выделенные нами в объемном фрагменте готического романа «Ребекке» Д. Дюморье (35 страниц), в количестве 52 **эмотем**. Далее осуществлялся компонентный анализ элементов в структуре эмотем: нами определялась сфера экспансии метафорического образа, представленного в эмотиве (метафорическом обороте речи) для передачи того или иного эмоционального состояния. Структурно-семантический анализ позволил выделить следующие метафорические проекции для передачи эмоциональных состояний в готическом романе: 1) соматическая, 2) фитоморфная, 3) эзотерическая, 4) зооморфная, 5) природная, 6) антропосферная, 7) артефактная, 8) социальная.

Соматическую метафору предлагаем определить как выражение, передающие эмоциональные состояния через апеллирование к физиологическим и физическим реакциям человека, ощущениям нашего тела и содержащиеся в своем составе **соматизмы**:

1) *I stood, my heart thumping in my breast, the strange prick of tears behind my eyes* – ‘застыла: сердце гулко билось в груди, слезы щипали глаза’ (обида);

2) *her eyes darting suspiciously from her plate to mine for fear I should have made the better choice* – ‘а глазки быстро перебегают от ее тарелки к моей – вдруг я выбрала более вкусное блюдо’ (зависть / ревность).

Антропосферная метафорическая проекция имеет место при апеллировании при вербальной передаче эмоций в сферу психосоматики:

1) *sense of fear, of furtive unrest, struggling at length to blind unreasoning panic* – ‘страх, тайное беспокойство, перерастающее постепенно в слепую, не поддающуюся доводам рассудка панику’ (страх);

2) *We have both know **fear**, and **loneliness**, and very great **distress** – ‘Оба мы узнали, что такое **страх**, и **одиночество**, и **душевная мука**’ (страх).*

В метафорических выражениях с **природной проекцией** отсылочными образами являются объекты и явления неживой природы (деревья, листья, почва, кустарники, цветы и т.д.).

1) *The **malevolent ivy**, always an **enemy to grace**, had thrown her **tendrils** about the pair and **made them prisoners** – ‘злостный плющ, вечный враг красоты, **обвил их усиками**, **заклучив в свое узилище**’ (страх);*

2) *There was something rather blousy about **roses** in full bloom, something **shallow** and **raucous** – В распутившейся **розе** есть что-то неряшливое, что-то **грубое** и **вульгарное** (неприязнь).*

К **эзотерической** метафоре были отнесены текстовые эмотивы, идентифицирующие эмоции через мистическую интерпретацию сути бытия и духовности человека:

1) *We all of us have our particular **devil** who rides us and torments us, and we must **give battle** in the end – ‘У всех нас есть собственный **дьявол-мучитель**, который ездит на нас верхом и с которым в конце концов мы вынуждены **сразиться**’ (страх);*

2) *You’ve taken me out of myself, out of despondency and introspection, both of which **have been my devils** for a year – ‘Вы заставили меня забыть о самом себе и копании в своей душе, вывели из ипохондрии, которая **терзает** меня уже целый год’ (тревога).*

В эмотивных выражениях метафорического типа с компонентом зоонимом реализуется, в соответствии с предлагаемой классификацией, реализуется **зоонимическая** метафорическая проекция:

1) *Trailing in the wake of Mrs Van Hopper like a **shy, uneasy colt** – ‘плетусь позади миссис Ван-Хоппер, **как пугливый, сторожкий жеребенок**’ (страх);*

2) *we **circled in the heights like a bird in the air** – ‘мы **кружили в высоте, точно птицы в поднебесье**’ (радость).*

Контекстуально-семантический анализ эмотем и эмотивов позволил нам выделить полный комплекс эмоций, которые формируют эмоциональный фон текста. Основными являются: страх (31,48%), тревога волнение (16,66%), неприязнь (11,1%), зависть / ревность (7,4%), смущение / робость (14,8%). Единичные эмоции: печаль / уныние, раздражение, обида / оскорбление, фрустрация, умиротворение. Семантика и прагматика доминирующих эмоций, безусловно, задается жанровой спецификой романа, идиостилем и авторской дискурсией.

Библиографические ссылки

1. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент : Фан, 1981. 116 с.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 387-415.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА СТИЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ

Е. О. Федутник

Научный руководитель М. С. Рогачевская, доктор филологических наук, доцент

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

Эмигрантская проза – особый виток развития мировой литературы. Эмигрантская литература постсоветского пространства чаще всего связана с феноменом литературы изгнания (на территории Беларуси это А. С. Пашкевич, В. В. Быков, А. С. Рязанов; в России – В. В. Набоков, А. И. Куприн, И. А. Бунин и т.д.). Ж. А. Зайончковская уточняет, что эмиграция начала прошлого столетия носила вынужденный характер и связана, прежде всего, с социальными событиями, такими как Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая войны; поэтому бедность, голод, политические репрессии, дискриминация нашли отражение в мемуарах писателей-эмигрантов.

Стоит отметить, что тематика данных работ имела свою специфику и не всегда приходилась по вкусу представителям других культур. По словам М. Рубинс, например, русские писатели-эмигранты во Франции не могли рассчитывать на постоянный доход от переводов своих произведений, поэтому, чтобы привлечь дополнительную аудиторию, некоторые из них начинали писать непосредственно по-французски [3]. Как следствие, претерпел изменение язык, образность, авторский стиль, даже географическое положение действий произведений. Но, несмотря на отсутствие массовой читательской аудитории, переход на другие языки, использование языков-посредников, двуязычие, интеграцию нового (порой, нежелательного) опыта авторов в реалии их культур, многие критики и ученые считают, что эмигрантская проза имеет большое литературное и культурное значения.

Одним из представителей эмигрантской прозы является Морис Хиндус (1891-1969) – выходец из Российской Империи. Будущий писа-